

УДК 811.124'367.625.4'366.58'371
DOI: 10.17223/19986645/59/8

Б.В. Чернюх

МЕЖДУ НАЧАЛОМ И КОНЦОМ: ОБ ИНТРАТЕРМИНАЛЬНОСТИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Объектом исследования является субполе интратерминальности (срединной фазы) как одной из составных функционально-семантического поля фазовости в латинском языке. Осуществленный анализ свидетельствует, что с семантической точки зрения интратерминальность представляет собой комплексное образование, формируемое семами дуративности, прогрессивности и континуативности. Средствами ее выражения в латинском языке выступают видовременные формы системы инфекта, перифрастические конструкции, а также контекст на микро- и макроуровнях.

Ключевые слова: латинский язык, функционально-семантическое поле, интратерминальность, дуративность, прогрессивность, континуативность, фазовость, акциональность.

Любая ситуация может рассматриваться в виде суммы определенных фрагментов (фаз ситуации), совокупность которых образует целостную картину. Как одна из составляющих качественной аспектуальности фазовая детерминация представляет собой вычленение одной из фаз в протекании действия или состояния – начальной, срединной или конечной [1. С. 321]. Подобная трихотомия, традиционная в аспектологических исследованиях [2], отображает дискретный характер времени в его движении от прошлого к будущему, трансформированный в плоскость аспектуальных значений: начало = прошедшее, продолжение = настоящее, окончание = будущее.

На первый взгляд толкование фаз не представляет труда и хорошо соотносится с понятием качественной аспектуальности. Вместе с тем среди исследователей существуют колебания относительно статуса и места фазовости в функционально-семантическом поле аспектуальности. Некоторые из них предполагают аспектуальный характер фазовых значений, отождествляя фазовость и качественную аспектуальность, что способствует увеличению количества фаз. В частности, Э. Косериу выделяет семь фаз (ингрессивную, инцептивную, прогрессивную, регрессивную, конклюдивную и эгрессивную) [3. С. 103–108], С. Дик – четыре: ингрессивную, прогрессивную, континуативную и эгрессивную [4. Р. 192–225]. Другие лингвисты отграничивают фазовость от аспекта. Так, фазовые значения как составная часть аспектуальных отсутствуют в классической работе Б. Комри [5], не упоминают о них при обзоре аспектуальных значений языков мира С. Чанг и А. Тимберлейк [6. Р. 202–258].

Причина такого неоднозначного толкования состоит в том, что фазовость не только указывает на один из фрагментов ситуации, но и констатирует ее наличие или отсутствие в определенный период. Характеризируя семантику фазовых значений, исследователи отмечают, что их сущность состоит в том, что определенная ситуация Р отсутствует в момент t_1 , но наличествует в момент t_2 , или *viceversa*, при этом t_2 следует за t_1 [7. С. 69; 8. С. 137].

Несмотря на наличие темпоральной составляющей в семантике фазовости, считаем целесообразным рассматривать ее как составную часть качественной аспектуальности, поскольку она находится в непосредственной связи с ключевой идеей последней – выражением особенностей протекающей ситуации.

Начало, середина и конец ситуации, непосредственно относясь к ее реализации, рассматриваются как внутренние стадии, противопоставленные внешним – проспективной и результитивной [9. С. 225].

Фазовые значения в латинском языке, подобно другим, выражаются различными средствами. Сюда прежде всего относятся описательные конструкции с фазовыми глаголами и видовременные формы глагола. Важная роль в формировании упомянутых значений принадлежит контексту, влияние которого особенно ощутимо при отсутствии или ослаблении значений формальных показателей. Средствами выражения фазовости также служат слова с соответствующей семантикой, например *inire* ‘входить’, *finis* ‘конец’, употребляемые в устойчивых словосочетаниях типа *consulatum inire* ‘вступать на должность консула, т.е. начинать консульство’, *finem facere* ‘заканчивать’ и т.п.

Учитывая важность начала и конца, модифицирующих основное онтологическое понятие «бытие», именно эти фазовые значения преимущественно выступали объектом исследования [10, 11], тогда как срединная стадия, для обозначения которой мы используем предложенный Л. Юхансоном термин «интратерминальность» [12. Р. 29] и которую в наиболее общем виде можно характеризовать как промежуток между началом и концом, из-за своей элементарности не привлекала особого внимания лингвистов.

Анализ критической литературы позволяет сделать вывод об отсутствии специальных исследований, в которых бы интратерминальность рассматривалась на материале латинского языка. Как правило, упомянутое фазовое значение рассматривается очень обобщенно в связи с семантикой презенса и имперфекта индикатива. Типичным утверждением, представленным в латинских грамматиках, является простая констатация факта, что эти формы выражают длящееся либо продолжающееся действие в соответственной временной плоскости [13. Р. 26–29; 14. S. 86–88, 92–93; 15. Р. 346; 16. Р. 396–399, 416–420]. В сравнительно новой коллективной монографии испанских лингвистов упоминается о связи между семантическими вариантами интратерминальности и акциональными классами предикатов З. Вендлера. Исследователи, в частности, отмечают связь дляще-

гося действия с предикатами состояния, развивающегося – с предикатами деятельности, развивающегося или итеративного – с предикатами достижения и свершения [17. Р. 427]. Обращаясь к описательным средствам выражения интрагерминальности, Г. Гаверлинг [15. Р. 312] указывает на возможность использования с этой целью глаголов со значением «продолжать(ся)» и «длиться», ограничиваясь лишь этим замечанием. Таким образом, вопрос об интрагерминальности в латинском языке нуждается в дальнейшей разработке.

Несмотря на мнимую семантическую однородность, интрагерминальность представляет собой сложное образование, объединяющее значения прогрессива (ситуация в развитии), дуратива (длящаяся ситуация, предусматривающая определенную протяженность) и континуатива (продолжение уже существующей ситуации). В отличие от ряда современных языков, в которых упомянутое значение или его частичные реализации выражаются с помощью специализированных грамматических форм (так называемые «прогрессивные» времена в английском и некоторых романских языках, например англ. *to be doing*, итал. *stare facendo*, исп. *estar haciendo*) или описательных конструкций (фр. *être en train de*, нем. *im Begriff sein*), латинский язык лишен специфических средств его выражения.

Интрагерминальность в латыни выражается преимущественно с помощью форм, образованных от основы инфекта, которые, обозначая длящуюся ситуацию, не предусматривают начальной и конечной точек, а только указывают на существование ситуации в определенный момент, синхронный с точкой отсчета. Такое значение И.А. Мельчук характеризует как нейтральное [8. С. 137]. Выражение интрагерминальности особенно характерно для презенса и имперфекта индикатива. Характеризуя их семантику, грамматик VI в. Присциан иллюстрирует это следующим примером: *...si in medio versu dicam scribo versum priore eius parte scripta, cui adhuc deest extrema pars, praesenti utor verbo dicendo scribo versum, sed imperfectum est, quod deest adhuc versui, quod scribatur. ex hoc... (id est praesenti) nascitur praeteritum imperfectum, cum non ad finem perferimus in praesenti id quod coepimus. ...si incipiam in praeterito versum scribere et imperfectum eum relinquam, tunc utor praeterito imperfecto dicens scribebam versum (Prisc. II, 414–415) (...если я посредине стиха скажу 'я пишу стих' (scribo versum), когда предыдущая часть его написана, но все еще не хватает конечной, я пользуюсь глаголом в настоящем времени, говоря 'я пишу стих' (scribo versum), но (это время) незавершенное, ибо стиху не хватает того, что должно быть написано. Из него (т.е. настоящего)... возникает прошедшее несовершенное (praeteritum imperfectum), когда мы не доводим до конца в настоящем, то, что начали. ...Если я начну писать стих в прошлом и оставляю его незавершенным, тогда пользуюсь прошедшим несовершенным, говоря 'я писал стих' (scribebam versum)).*

Осуществленный нами анализ первоисточников позволяет констатировать, что актуализация объединенных под «зонтиком» интрагерминальности сем дуративности (DUR.), прогрессивности (PROGR.) и континуатив-

ности (CONT.) (ср. [12. Р. 33; 18. С. 298, 300–301]) в латинском языке зависит от двух факторов: акциональной семантики предикатов и контекста.

Дуративность, предусматривая определенную длительность и неизменность, прежде всего относится к нединамическим ситуациям, лишенным способности к трансформации («состояния» (states) в классификации З. Вендлера [19. Р. 97–121]) (1 а–б):

1 а) *Odi* (DUR.) *et amo* (DUR.) (Cat. 85, 1) («**Ненавижу и люблю**»).

1 б) ...*purpurea velatus veste sedebat* (DUR.) // *in solio Phoebus*... (Ov. Met. 2, 19–20 (...**Феб сидел** на троне, облаченный в пурпурные одежды...)).

В противовес статичным предикатам динамичные (Вендлеровские) деятельности (activities), свершения (accomplishments) и достижения (achievements) в большей степени пригодны для выражения прогрессивности (ср. [14. Р. 427]). Соответствующие примеры представлены ниже (2 а–в):

2 а) *Laudabat* (PROGR.) *homo doctus philosophos nescio quos neque eorum tamen nomina poterat* (DUR.) *dicere*... (Cic. Sest. 23) (Ученый человек хвалил каких-то философов, однако не мог назвать их имен...).

2 б) ...*facile meus pater quod volt* (DUR.) *facit* (PROGR.) (Pl. Amph. 138) (...**мой отец легко делает то, что хочет**).

2 в) *Cum tribus milibus peditum et quingentis equitibus consul veniebat* (PROGR.) (Liv. 37, 6, 2) (Консул **приходил** с тремя тысячами пеших воинов и пятьюстами всадников).

Континуативность могут выражать как статичные, так и динамичные предикаты, но при этом доминирующая роль принадлежит контексту, который информирует о продолжении ситуации (3 а–в):

3 а) *Roma interim crescit* (CONT.) *Albae ruinis* (Liv. 1, 30, 1) (Тем временем Рим **рос** (т.е.: продолжал расти) на руинах Альбы).

3 б) ...*ad расет hortari non desino* (CONT.) (Cic. Att. 7, 14, 3) (... я **не прекращаю призывать** к миру).

3 в) ...*redii in eum locum, ubi sedebat* (CONT.) *Alypius*... (Aug. Conf. 8, 12) (...я **возвратился** на то место, где **сидел** Алипий...) (из контекста следует, что Алипий все еще продолжал сидеть там, где его оставил Августин).

Выражение интратерминальности, в частности дуративности и прогрессивности, видовременными формами системы инфекта (что, как уже упоминалось, особенно свойственно презенсу и имперфекту индикатива, а также употребленным с имперфективной семантикой аспектуально-нейтральному будущему I, конъюнктиву презенса и имперфекта) (4 а–в) является наиболее распространенным, относясь как к статичным, так и к динамичным ситуациям.

4 а) *Oderint, dum metuant* (DUR.) (Acc. Trag. frg. 203) (Пусть ненавидят, лишь бы **боялись**).

4 б) ...*erit* (DUR.) *illa dies, qua tu, ..., / quattuor in niveis... ibis* (PROGR.) *equis!* (Ov. Ars. 1, 213–214) (...**будет** тот день, когда тебя... **будет везти** четверка белоснежных... лошадей).

4 в) (*Safinius*) *cum ageret* (PROGR.) ...*in foro, sic illius vox crescebat* (PROGR.) *tamquam tuba* (Petr. Sat. 44, 9) ((Сафиний) когда... **выступал** на форуме, так его голос **возрастал** будто труба).

Одна и та же временная форма может употребляться для выражения различных семантических оттенков интрагерминальности, если это сопровождается изменением акционального класса предиката. Так, в (5 а) *relinquebat* выражает прогрессивное развитие, тогда как в (5 б) – делящееся состояние, а следовательно, имеет дуративное значение.

5 а) (*Caesar*) *trium legionum, quas Alexandriae relinquebat* (PROGR.), *curam et imperium Rufioni liberti sui filio exoleto suo demandavit* (Suet. Div. Jul. 76, 3) («Цезарь» передал опеку и власть над тремя легионами, которые **оставлял** в Александрии, своему любимцу Руфиону, сыну своего вольноотпущенника»).

5 б) *Relinquebatur* (DUR.) *una per Sequanos via, qua Sequanis invitis propter angustias ire non poterant* (Caes. BG 1, 9, 1) (**Оставался** (т.е. был) единственный путь через земли секванов, по которому (гельветы) не могли идти из-за (его) узости, без согласия секванов).

В нейтральном контексте границы между дуративным и прогрессивным значениями иногда размыты, что усложняет их дифференциацию и, как следствие, допускает двоякую интерпретацию. При этом необходимо также считаться с определенной долей субъективности, которая неизбежна при исследовании аспектуальной (в широком смысле слова) семантики, в связи с чем целесообразно упомянуть характеристику аспекта как категории преимущественно интерпретационного типа у А.В. Бондарко: «Преимущественно интерпретационный характер глагольного вида в русском и других славянских языках (*mutatis mutandis* и в латинском. – Б.Ч.) определяется категориальным семантическим признаком целостности действия. Источником видовых значений является зафиксированный и объективированный в языковой системе взгляд говорящего на действие: действие может быть представлено наблюдателем (говорящим) в процессе его протекания (одна из функций несовершенного вида) или как целостный ограниченный пределом факт (функция совершенного вида)» [20. С. 50].

В сравнении с иными внутренними фазами ситуации срединная является наименее выразительной и не предусматривает особого маркирования вследствие гомогенности ситуации. Ситуация автоматически воспринимается как представленная в ходе реализации, если этому не препятствуют аспектуальная или акциональная семантика предиката и контекст.

В отличие от форм инфекта формы перфекта не выражают ситуацию в ходе реализации, что наблюдается, например, при параллельном употреблении имперфекта и перфекта индикатива, образованных от потенциально-границных глаголов, т.е. таких, которые в зависимости от формы и контекста могут актуализировать наличие предела, например *dicere* (6 а), *scribere* (6 б–в):

6 а) *At pater infelix ... 'Icare,' dixit./ 'Icare,' dixit 'ubi es? Qua te regione requiram?'/ 'Icare' dicebat: pennas aspexit in undis...* (Ov. Met. 8, 231–233)

(А несчастный отец... **сказал** «Икар»/ **сказал**: «Икар, где ты? В какой стране тебя найду?»)/ **Говорил**: «Икар»; увидел перья на волнах...).

«Срединность» ситуации, выраженная имперфектом *dicebat*, в данном случае контрастирует со значением завершенности, свойственным перфекту *dixit*, который представляет речевой акт как целостный, без раскрытия его внутренней структуры.

6 б) ...*Iesus... inclinans se deorsum digito scribebat in terra* (Vulg. NT Ио. 8, 6) (...*Иисус... наклонившись вперед, пальцем писал на земле*).

6 в) ...*ostendit vobis (Dominus) ...decem verba, quae scripsit in duabus tabulis lapideis* (Vulg. VT Deut. 4, 13) (...*Господь*) *явил вам... десять заповедей, которые написал на двух каменных таблицах*).

Существующее между имперфектом и перфектом различие, выразительно представленное в телических предикатах, нейтрализуется в ателических, где перфект актуализирует сему лимитативности, представляя ситуацию как прекращенную во времени, а имперфект – сему дуративности. При этом на первый план выдвигаются иные характеристики видо-временных форм, в частности связь с моментом речи, роль в структуре текста, таксисные значения, что не позволяет рассматривать подобные случаи как абсолютную синонимию и на основании этого делать вывод об отсутствии в латинском языке аспекта, как это предлагают некоторые исследователи [21; 22. Р. 224]. Например (7 а–б):

7 а) *Amavi* (PERF.) ...*ego olim in adulescentia/verum ad hoc exemplum nitquam, ut nunc insanio* (Pl. Merc. 264–265) (*Я... любил когда-то в юности, / но никогда до такой степени, как теперь схожу с ума*).

7 б) *Illam amabam* (IMPERF.) *olim, nunc iam alia cura impendit pectori* (Pl. Epid. 135) (*Я любил ее когда-то, теперь иная забота тревожит сердце*).

В представленных примерах имперфект *amabam* и перфект *amavi* на первый взгляд не различаются по значению, целостно изображая ситуацию и констатируя лишь факт влюбленности героев в прошедшем. Но в (7 а) контекст указывает на наличие связи с коммуникативной ситуацией: любовь существует также в настоящем, хотя относится к иному объекту страсти. Подобная ситуация, выраженная имперфектом в (7 б), уже не актуальна в момент речи, противопоставляясь существующему положению дел.

Спорадически для выражения дуративности и/или прогрессивности употреблялись аналитические конструкции, состоящие из деепричастия настоящего времени (*participium praesentis activi*) и глагола *esse* ‘быть’, которые, в отличие от синтетических форм, акцентировали внимание на характеристике субъекта (8 а–в):

8 а) *Carthagini ego sum gnatus, ut tu sis sciens* (Pl. Poen. 1038) (*Чтобы ты знал* (букв. *был знающим*), *я родился в Карфагене*).

8 б) *Sed adeo tum imperio meliori animus mansuete oboediens erat, ut beneficium magis quam ignominiae hic exercitus temer et coronam auream dictatori, libram pondo, decreverit et proficiscentem eum patronum salutaverit.* (Liv. 3, 29, 3) (*Но тогда справедливому приказу подчинялись так покорно, что это войско, помня больше о благодеянии, чем о позоре, присудило дикта-*

тору золотой венок весом в фунт и, провожая, приветствовало его как покровителя).

8 в) *Ne time, abhinc enim homines eris capiens* (Tert. Adv. Marc. 4,9,1) (*Не бойся, ибо отныне будешь ловить людей!*).

Такая конструкция, свойственная разговорному языку, акцентируя внимание на наличии ситуации [23. S. 388], первоначально характеризовалась высшей степенью интенсивности и большей экспрессивностью [24. P. 274], но, утратив со временем этот оттенок, семантически не отличалась от синтетических форм, что подтверждается следующими примерами (9 а–в):

9 а) *Phryges... qui campestribus locis sunt habitantes...* (Vitr. 2, 1, 5) (*Фригийцы... которые проживают в полевой местности...*).

9 б) *...Salpini... habitant in salubri loco* (Vitr. 1, 4, 12) (*...сальпинцы... проживают в здоровой местности*).

9 д) *Erant... perseverantes omnes unanimis in oratione cum mulieribus et Maria quae fuerat mater Iesu et fratribus eius. Perseverabant in oratione unanimis orationis suae...* (Tert. Orat. 8) (*Все единодушно пребывали в молитве вместе с женщинами и Марией, которая была матерью Иисуса, и его братьями. Пребывали в молитве, единодушно слагая свою молитву...*).

Тождество синтетических и аналитических образований подтверждается также непоследовательностью отображения аналогичной греческой конструкции εἰμί + part. praes. в латинских переводах Священного Писания, ср. (10 а–в):

10 а) *...καὶ... ἔστιν καρποφορούμενον καὶ αὐξανόμενον καθὼς καὶ ἐν ὑμῖν, ἀφ' ἧς ἡμέρας ἠκούσατε καὶ ἐπέγυνθε τὴν χάριν τοῦ θεοῦ ἐν ἀληθείᾳ* (NT Col. 1, 6).

10 б) *...et fructificat et crescit sicut in vobis ex ea die qua audistis et cognovistis gratiam Dei in veritate* (Vulg. NT Col. 1, 6).

10 в) *...et est fructificans et crescens sicut in vobis ex ea die qua audistis et cognovistis gratiam Dei in veritate* (Vet. Lat. Col. 1, 6, codd. 75, 77) (*благая весть*)... *приносит плоды и растет, как и среди вас, с тех пор, когда вы услышали и познали Божью милость в правде*).

Перифразы с перфектными формами глагола esse характеризуются двойственным значением. Будучи лимитативными, они выражают прекращенную ситуацию, но в то же время подчеркивают ее прогрессивный или дуративный характер во время реализации (11 а–б):

11 а) *...nemo unquam tam sui despiciens fuit, qui desperaret aut melius aut eodem modo se posse dicere* (Cic. De or. 2, 364) (*...никогда не было никого, кто презирал себя так, что был бы лишен надежды иметь возможность говорить или лучше, или так же, как я*).

11 б) *...quispiam Samius athleta... cum antea non loquens fuisset, ob similem dicitur causam loqui coepisse* (Gell. 5, 9, 5) (*...говорят, что какой-то атлет из Самоса начал разговаривать по той же причине (=от страха)... хотя до того не говорил*).

Вследствие присущего латинскому языку синтетизма конструкция такого типа не получила распространения и преимущественно представлена в позд-

ней, особенно христианской, латыни, в частности в переводах Священного Писания и возникших под его влиянием произведениях, обуславливаясь влиянием семитских [25. P. 2; 26. P. 218] или/и греческого языков [23. S. 388].

Срединная фаза ситуации может также быть представлена в виде континуатива, обозначающего ее продолжение. Дж. Байби рассматривает континуативность как разновидность прогрессивного значения, дополнительно конкретизированного указанием на то, что агент продолжает выполнение действия [27. P. 127]. В латинском языке континуативность реализуется с помощью лексических средств, центральное место среди которых занимают описательные конструкции, состоящие из глаголов с соответствующей семантикой и предикатных актантов, выраженных инфинитивом или, реже, герундием. К таким глаголам прежде всего принадлежат *pergere*, *perseverare*, реже – *durare*, объединенные общим значением «продолжать(ся), длиться».

Первичным значением *pergere* (< **perrĕgere* (пор. перфект *perrexi*) было указание на направление движения «идти дальше, продвигаться» (12 а–б).

12 а) *Illa ad nos pergit* (Pl. Mil. 1257) (*Она идет к нам*).

12 б) *Hercules ad primam auroram somno excitus cum gregem perlustrasset oculis et partem abesse numero sensisset, pergit ad proximam speluncam...* (Liv. 1, 7, 6) (*Геркулес, проснувшись рано утром, когда осмотрел стадо и заметил, что не хватает части, идет к ближайшей пещере...*).

Вступая в связь с предикатными актантами, упомянутый глагол утрачивает свое первичное значение и в качестве служебного обозначает продолжение ситуации выраженной инфинитивом или герундием (13 а–б):

13 а) *Pergam pultare ostium* (Pl. Most. 936) (*Продолжу стучать в дверь*).

13 б) *Silere pergit* (Sen. Phaedr. 882) (*Он продолжает молчать*).

Иногда *pergere* дополнительно конкретизируется указанием на то, что ситуация, которую собеседник предполагает продолжить, началась ранее. С этой целью употребляется глагол *coepi* «начинать» или его синонимы (*occipio*, *incipio*, *coepto*), а также *instituo* «постановлять, решать» (13 в–г):

13 в) *...tu perge ut occepisti dicere* (Pl. Rud. 1089) (*...ты продолжай говорить, как начал*).

13 г) *...perge ut instituisti* (Cic. Rep. 2, 21) (*...продолжай, как ты решил...*).

Выраженная с помощью *pergere* континуативность может подчеркиваться наречием *porro* «дальше» (14 а–б):

14 а) *...pergo porro ire in Turtam* (Cato Or. 1, 19) (*...я продолжаю идти дальше в Турту*).

14 б) *O magnam vim ingenii causamque iustam, cur nova existeret disciplina! Perge porro* (Cic. Fin. 4, 9, 21) (*О, большая сила ума и справедливая причина, почему должно было возникнуть новое учение! Продолжай (излагать) дальше*).

Начиная с классического периода, наряду с *pergere* в функции фазового глагола также засвидетельствовано *perseverare* (15 а–б), которое, однако, в количественном отношении уступает *pergere*.

15 а) *Themistocles, verens ne (Xerxes) bellare perseveraret, certioorem eum fecit id agi, ut pons, quem ille in Hellesponto fecerat, dissolveretur ac reditu in Asiam excluderetur* (Nep. Them. 5, 1) (*Фемистокл, боясь, что (Ксеркс) будет продолжать войну, сообщил ему о действиях, направленных на разрушение построенного на Геллеспонте моста, и невозможности возвращения в Азию*).

15 б) ...*Constantius... Arsacen Armeniae regem... praemonebat et hortabatur, ut nobis amicus esse perseveraret et fidus* (Amm. 20, 11, 1) (...*Констанций... убеждал и призывал... армянского царя Арсака, чтобы тот продолжал оставаться нашим верным другом*).

В послеклассической и поздней латыни также представлены одиночные случаи выражения континуативности с помощью *durare* (16 а–б):

16 а) *Postquam itaque omnis bacalusias consumpsi, duravi interrogare illum interpretem meum, quod me torqueret* (Petr. 41, 2) (*Исчерпав все догадки, я продолжил спрашивать того моего толкователя о том, что меня терзало*).

16 б) ...*ambulare non durabo, si nihil spectabo* (Aug. In Ps. 39, 9) (...*не буду продолжать ходить, если ничего не увижу*).

Продолжение ситуации также выражается посредством отрицательных синтагм, образованных на базе глаголов с семантикой прекращения *desinere* (17 а), *desistere* (17 б), *cessare* (17 в), которые подчеркивают ее беспрерывный характер.

17 а) *Nostri... propius riuum cum adpropinquassent adversarii patrocinari loco iniquo non desinunt* (Bell. Hisp. 29, 8) (*Когда наши... подошли ближе к ручью, противники не прекращали защищаться в невыгодном месте*).

17 б) ...*non desistam persequi nequitiam et adfectus efferatissimos inhibere et voluptates ituras in dolorem compescere et votis opstrepere* (Sen. Epist. 121, 4) (...*я не перестану преследовать бесстыдство и удерживать разнузданные страсти, и сдерживать наслаждения, переходящие в страдания, противостоять молитвенным желаниям*).

17 в) *Sunctis diebus Iob sacrificium offerre non cessat*... (Gr. M. Moralia 1, 24) (*Во все дни Иов не прекращал приносить жертвы*).

Квантитативный анализ, осуществленный автором представленной статьи на материале произведений римских авторов различных исторических периодов, свидетельствует, что функционирование *pergere* в качестве фазового глагола было наиболее свойственно ранней латыни. Однако начиная с классического периода континуативность проявляет тенденцию к выражению посредством отрицательных конструкций типа «*non desino + инфинитив*», что представлено в таблице.

Продолжение ситуации подчеркивается также различного рода обстоятельствами, которые дополнительно указывают на ее длительность (18 а–в):

18 а) *Clam me est profectus, mensis tris abest* (Ter. Heaut. 118) (*Он отправился тайком от меня, отсутствует три месяца*).

18 б) *Quod est hoc iudicium in quo iam biennium versamur?* (Cic. Quinct. 42) (*Что это за судебный процесс, на котором мы пребываем уже два года?*).

18 в) ...(*Tarquinius Priscus*) *ludos Romanos instituit, qui ad nostram memoriam permanent* (Eutr. 1, 5) ...(*Тарквиний Приск*) *установил римские игры, которые сохраняются до нашей памяти.*

Автор	Синтагма			
	Pergo+inf.		Desino (desisto, cesso) + inf	
	Всего	%	Всего	%
Плавт, Теренций	29	74,4	10	25,6
Цезарь	0	0	4	100
Цицерон	9	11,7	68	88,3
Сенека Младший	3	11,1	24	88,9
Апулей	4	23,5	13	76,5
Августин	27	10,9	221	89,1
Иероним	1	2,4	41	97,6

С целью усиления упомянутого значения и акцентирования непрерывности ситуации употребляется также дублирование одного и того же глагола в формах, соотносящих его с разным промежутками на временной оси (19 а–б), что было одним из средств создания эмфатичности повествования и, как свидетельствуют примеры, свойственно прежде всего непосредственному или опосредствованному (в эпистолографии) коммуникативному акту:

19 а) *Omnium primum salutem dicito matri et patri/et cognatis et si quem alium benevolentem videris; // me hic valere et servitutum servire huic homini optumo, // qui me honore honestiorem semper fecit et facit* (Pl. Capt. 389–392) (*Прежде всего передай привет матери и отцу // и родным и всем другим благодетелям, если кого увидишь; я здесь здоров и служу службу этому благородному человеку, который меня высокой честью чтил всегда и чтит теперь*).

19 б) ...*ego servo et servabo – sic enim assuevi – Platonis verecundiam...* (Cic. Fam. 9, 22, 4) (...я **храню и буду хранить**, – ибо так привык, – почитательное отношение к Платону...).

Наличие срединной фазы предусматривает per se определенную длительность ситуации, что свойственно предикатам, относящимся к акциональным классам состояний, деятельностей и свершений, которые реализуют семы дуративности или прогрессивности, а при уточнении адвербиальными маркерами или макроконтэкстом – континуативности. Лишенные внутренней длительности предикаты, которые характеризуют акциональный класс «достижения», употребляясь с имперфективной семантикой, могут приобретать дополнительные оттенки множественности (итеративности, хабиутальности) (20 а–б), или конативности (20 в), что, однако, не является необходимым условием, обуславливаясь микро- или макроконтэкстом.

20 а) ...*effodiuntur opes irritamenta malorum* (Ov. Met. 1, 140) (...**выкапываются** богатства – возбудители зла).

20 б) *Raro nimium dabat quod biberem, // id merum infuscabat* (Pl. Cist. 18–19) (*Очень редко давал пить, это чистое вино портилось*).

20 в) *Veniebatis... in Africam... Prohibiti estis in provincia vestra pedem ponere...* (Cic. Lig. 24) (*Вы пытались... прибыть в Африку... Вам не позволили вступить в вашу провинцию...*).

Осуществленный анализ позволяет сделать вывод, что в латинском языке интрагерминальность представляет собой кластер, образованный семантическими категориями дуративности, прогрессивности и континуативности. Актуализация конкретной семы из упомянутого набора зависит от акционального типа предиката и контекста, что сближает латинский язык с рядом современных европейских [12. Р. 39–40]. В этом отношении перспективным представляется исследование интрагерминальности в типологической перспективе. Формальным ядром субполя интрагерминальности выступают видовременные формы системы инфекта и описательные конструкции с фазовыми глаголами с соответствующим значением, а периферию образуют лексические средства преимущественно обстоятельственного характера.

Литература

1. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 305–364.
2. Tommola H. On the aspectual significance of “phase meaning” // Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology / ed. C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht : Foris, 1984. P. 111–132.
3. Coseriu E. Das romanische Verbalsystem. Tübingen : Narr, 1976. 197 s.
4. Dik C.S. Functional Grammar. Dordrecht : Foris, 1981. XI, 230 p.
5. Comrie B. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge : Cambridge University Press, 1976. IX, 142 p.
6. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect, and mood // Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / ed. T. Shopen. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 202–258.
7. Кустова Г.И. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением «начаться») («кончиться») // Логический анализ языка: Семантика начала и конца / ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 69–82.
8. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1, ч. 2: Морфологические значения. М. : Языки русской культуры, 1998. 544 с.
9. Князев Ю.А. Грамматическая семантика. М. : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
10. Логический анализ языка: Семантика начала и конца / ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2002. 648 с.
11. Commencer et finir : débuts et fins dans les littératures grecque, latine et néolatine / ed. B. Bureau, Ch. Nicolas. Lyon : GERGR, 2008. 392 p.
12. Johanson L. Viewpoint operators in European languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe / ed. Ö. Dahl. Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.
13. Bennet Ch.E. Syntax of Early Latin. Vol. 1: The Verb. Boston : Allyn and Bacon ; Leipzig : Theodor Stauffer, 1910. XIX, 506 p.
14. Kühner R, Stegmann C. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Teil 2: Satzlehre. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1997. Bd. 1. XV, 828 s.
15. Haverling G.V. M. Actionality, tense, and viewpoint // New Perspectives on Historical Latin Syntax. Vol. 2: Constituent Syntax: Adverbial Phrases, Adverbs, Mood, Tense / ed. Ph. Baldi, P. Cuzzolin. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2010. P. 277–523.

16. *Pinkster H.* The Oxford latin syntax. Vol. 1: The simple clause. Oxford : Oxford University Press, 2015. XXXII, 1430 p.
17. *Vaños Vaños J.M.* Sintaxis del latín clásico. Madrid : Lyceus, 2009. 838 p.
18. *Плунгян В.А.* Общая морфология: введение в проблематику. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
19. *Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1967. 203 p.
20. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М. : Языки славянских культур, 2005. 624 с.
21. *Spevak O.* Some Remarks on Grammatical Aspect in Latin // *Philologia Classica*. 2016. Vol. 11 (2). P. 282–288.
22. *Pinkster H.* Latin Syntax and Semantics. London ; New York : Routledge, 1990. XII, 320 p.
23. *Hofmann J.B., Szantyr A.* Lateinische Syntax und Stilistik: mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik. München : Beck, 1965. XCVIII, 935, 89 s.
24. *Ernout A., Thomas F.* Syntaxe latine. Paris : Klincksieck, 1964. XX, 522 p.
25. *Haverling G.* Sur l'expression du temps et de l'aspect grammatical en latin tardif // *De lingua latina*. 2010. T. 5. P. 1–23.
26. *Rubio G.* Semitic influence in the history of Latin syntax // *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 1: Syntax of the Sentence / ed. Ph. Baldi, P. Cuzzolin. Berlin : Walter de Gruyter, 2009. P. 195–240.
27. *Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago : University of Chicago Press, 1994. XII, 398 p.

Between the Beginning and the End: On Intraterminality in Latin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 141–154. DOI: 10.17223/19986645/59/8

Bohdan V. Cherniukh, Ivan Franko National University of Lviv (Lviv, Ukraine).
E-mail: cherboh@gmail.com

Keywords: Latin language, functional-semantic field, phasal meaning, intraterminality, progressivity, durativity, continuativity, actionality.

The object of the research is the subfield of intraterminality (middle phase) as one of the components of the functional-semantic field of phasality in Latin. The analysis shows that intraterminality is a complex formation that combines the meanings of the progressive aspect (the situation in the development), the durative aspect (the lasting situation characterized by some duration) and the continuative aspect (the continuation of the situation). The actualization of semes of durativity, progressivity, and continuativity joined under the “umbrella” of intraterminality depends on two factors, namely, on the actional semantics of predicates and the context. Durativity providing some lasting and immutability belongs, first of all, to static situations that cannot be transformed. Contrary to static predicates, dynamics ones (Vendlerian activities, accomplishments and achievements) are more suitable to express progressivity as far as they provide some kind of transformation. Continuativity can be expressed by static and dynamics predicates. In such a case, the decisive factor is the context which denotes the continuing of a situation. In neutral contexts, the boundaries between durative and progressive meanings are often blurred, which in turn complicates their differentiating and thus allows a dual interpretation.

In contrast to some modern languages that express intraterminality (or its partial realizations) by special grammatical forms, Latin is deprived of specific means for its expression, and different grammatical and lexical means are used for this purpose. Like in other languages with the lack of special grammatical forms, in Latin, intraterminality is expressed by forms produced from the inflectum stem that mark the situation as a lasting one and do not include the initial and the final starting point. This meaning is typical for the indicative mood of the present tense and

the indicative imperfective. The periphrastic construction “participium praesentis activi + esse” was sporadically used to express durative and/or progressive meanings which, unlike synthetic forms, stressed the characteristic of the subject. Continuativity can be expressed by lexical means, especially by basic verbs with the meaning of continuation together with predicate actants expressed by the infinitive or more rarely by the gerund. The continuation of the situation can also be emphasized by different adverbial modifiers that indicate the time of its duration. The performed analysis shows that Latin does not differ essentially from other languages in the expression of intraterminality and its semantic varieties that are expressed by the grammatical and lexical means as well as in the context.

References

1. Maslov, Yu.S. (2004) *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 305–364.
2. Tommola, H. (1984) On the aspectual significance of “phase meaning”. In: De Groot, C. & Tommola, H. (eds) *Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Dordrecht: Foris.
3. Coseriu, E. (1976) *Das romanische Verbalsystem*. Tübingen: Narr.
4. Dik, C.S. (1981) *Functional Grammar*. Dordrecht: Foris, XI.
5. Comrie, B. (1976) *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Chung, S. & Timberlake, A. (1985) Tense, aspect, and mood. In: Shopen, T. (ed.) *Language typology and syntactic description*. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Kustova, G.I. (2002) Semanticheskie aspekty leksicheskikh funktsiy (glagoly so znacheniem “nachat'sya” (“konchit'sya”)) [Semantic aspects of lexical functions (verbs with the meaning “to begin” (“end”))]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language: Semantics of beginning and end]. Moscow: Indrik.
8. Mel'chuk, I.A. (1998) *Kurs obshchey morfologii* [The course of general morphology]. Vol. 1. Pt. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Knyazev, Yu.A. (2007) *Grammaticheskaya semantika* [Grammatical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
10. Arutyunova, N.D. (ed.) (2002) *Logicheskiy analiz yazyka: Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language: Semantics of beginning and end]. Moscow: Indrik.
11. Bureau, B. & Nicolas, Ch. (eds) (2008) *Commencer et finir: débuts et fins dans les littératures grecque, latine et néolatine*. Lyon: GERGR.
12. Johanson, L. (2000) Viewpoint operators in European languages. In: Dahl, O. (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter.
13. Bennet, Ch.E. (1910) *Syntax of Early Latin*. Vol. 1: The Verb. Boston: Allyn and Bacon; Leipzig: Theodor Stauffer.
14. Kühner, R. & Stegmann, C. (1997) *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache*. Teil 2: Satzlehre. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
15. Haverling, G.V. (2010) M. Actionality, tense, and viewpoint. In: Baldi, Ph. & Cuzzolin, P. (eds) *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 2: Constituent Syntax: Adverbial Phrases, Adverbs, Mood, Tense. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
16. Pinkster, H. (2015) *The Oxford Latin syntax*. Vol. 1: The simple clause. Oxford: Oxford University Press.
17. Baños Baños, J.M. (2009) *Sintaxis del latín clásico*. Madrid: Lyceus.
18. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the problems]. Moscow: Editorial URSS.
19. Vendler, Z. (1967) *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

20. Bondarko, A.V. (2005) *Teoriya morfoloģicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [The theory of morphological categories and aspectological research]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
21. Spevak, O. (2016) Some Remarks on Grammatical Aspect in Latin. *Philologia Classica*. 11 (2). pp. 282–288.
22. Pinkster, H. (1990) *Latin Syntax and Semantics*. London; New York: Routledge.
23. Hofmann, J.B. & Szantyr, A. (1965) *Lateinische Syntax und Stilistik: mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik*. München: Beck.
24. Ernout, A. & Thomas, F. (1964) *Syntaxe latine*. Paris: Klincksieck.
25. Haverling, G. (2010) Sur l'expression du temps et de l'aspect grammatical en latin tardif. *De lingua latina*. 5. pp. 1–23.
26. Rubio, G. (2009) Semitic influence in the history of Latin syntax. In: Baldi, Ph. & Cuzzolin, P. (eds) *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 1: Syntax of the Sentence. Berlin: Walter de Gruyter.
27. Bybee, J.L., Perkins, R. & Pagliuca, W. (1994) *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.